

Об опыте изучения Пушкина с точки зрения биосоциологизма в СССР в 20-е годы

Статья посвящена попытке биосоциологического изучения жизни и творчества А.С. Пушкина в советском литературоведении 1920-х годов. Доказывается мысль о плодотворности ряда соображений автора биосоциологического исследования С.А. Золотарева для современной пушкинистики.

Ключевые слова: социологический метод в литературоведении, биосоциологизм, А.С. Пушкин, Д.Н. Анучин, С.А. Золотарев

1920-е годы в СССР были временем огромного интереса к новым формам изучения биологических и психологических ресурсов человека, поскольку существовала необходимость разработать механизмы формовки и селекции советских людей как участников общемировой коммунистической стройки. В такой ситуации проводились опыты по посмертной диагностике гениальности [8], фрейдистские исследования, а также изучения в области эвропатологии и евгеники. Эти процессы не могли не затронуть и литературоведение. Так, ярким примером советских исследований в области психоанализа литературы могут служить труды И.Д. Ермакова о Пушкине, Гоголе и Достоевском. Большой интерес представляют работы в области патографии русских писателей, публиковавшиеся на страницах свердловского журнала «Клинический архив гениальности и одаренности», издававшегося врачом-психиатром Г.В. Сегалиным.

При этом 20-е годы в советском литературоведении были временем тотального господства социологического метода, стремительно уничтожавшего все иные литературоведческие методологии. Однако советский социологизм не был явлением застывшим и закрытым, напротив, он пытался развиваться в различных направлениях, стремясь творчески синтезировать возможности различных подходов к литературе со своими базовыми установками. Речь идет, в частности, о попытке создать формально-социологический метод во второй половине 1920-х годов [2; 9]. Иногда социологизм пытался устанавливать и междисциплинарные связи, плодом чего явился, например, биосоциологизм. Мы имеем в виду статью профессора Ленинградского государственного университета С.А. Золотарева (1872–1941?) «А.С. Пушкин (Жизнь и творчество в биосоциологическом освещении)», опубликованную в 1926 году [6].

Статья Золотарева в значительной степени являлась продолжением опыта крупнейшего русского географа, антрополога и этнографа Д.Н. Анучина по изучению личности Пушкина с точки зрения антропологии и генеа-

логии [1]. Направление научных изысканий Золотарева, помимо «антропологического эскиза» Анучина, было определено характерным для 1920–30-х гг. тезисом советского литературоведения о том, что Пушкин – это поэт внациональный, «гражданин вселенной» [6, с. 22].

Целью исследователя, в соответствии с этим тезисом, стало выявление среди предков Пушкина иностранцев, для того чтобы доказать интернациональную природу пушкинского гения. Золотарев в процессе этой работы попутно устанавливает также роль национальных особенностей того или иного из иноземных пращуров поэта в формировании некоторых черт его психического и физиологического облика. Например, исследователь проявил полную солидарность с утверждением Д.Н. Анучина о том, что от своего легендарного предка Афанасия Чичери, итальянца по происхождению, отец и дядя Пушкина унаследовали «романские черты в физиономии» [6, с. 24]. Золотарев развивает эту мысль Анучина, полагая, что дальнейшее родство Пушкина с выходцем с Аппенинского полуострова предопределило любовь великого русского поэта к итальянской литературе и музыке [6, с. 24]. Увы, красивая гипотеза Анучина об итальянском происхождении дворянского рода Чичериных, полностью разделяемая Золотаревым, была опровергнута современной исторической наукой и языкознанием, согласно которым эта фамилия имеет тюркское происхождение [3,4].

Разделяет Золотарев и другое мнение Анучина, согласно которому психофизический облик Пушкина всецело определялся свойственными абиссинскому народу национальными чертами – «воинственностью, легкомыслием, страстностью, мстительностью, склонностью к выражению чувств в пляске, пении, импровизации, музыке» [1, с. 28–29]. Это положение Анучина Золотарев также развивает, используя достижения современной ему египтологии. В частности, он пишет: «Африканско-азиатская раса, к которой принадлежал Ганнибал Абрам, является “дальнозоркой” в противоположность “близорукой” греко-итальянской. От встречи этих двух конституций в природе А.С. Пушкина должно было получиться что-то вроде стереоскопической рельефности восприятия двух несовпадающих рисунков. Разумеется, это только сравнение, и самый вопрос еще требует дальнейших работ и домыслов, но факт тот, что никто до Пушкина так живо, как-то осязательно и вместе с тем философски не воспринимал и не любил природу» [6, с. 30].

Оригинальность статьи Золотарева, по сравнению с работой Анучина, проявляется еще и в том отношении, что она несет на себе печать учения З. Фрейда. Откровенно фрейдистским, например, является очень любопытное рассуждение Золотарева о том, что наследственная психическая неуравновешенность предков Пушкина со стороны отца не только определила некоторые особенности поведения поэта, но и отразилась в его потребности изжить в творчестве свой страх перед возможностью умопомешательства. Ученый так пишет об этом: «В самом себе сознавая наследственный яд и борясь с ним художественным выделением его в создаваемые типы, А.С. Пушкин создавал

Алеко, Ленского, Швабрина, за которыми выступают драмы Головиной, Воейковой – смерть от ножа, томление на соломе под домашним запором. Недаром с таким чувством поэт восклицает и эту мольбу: “Не дай мне бог сойти с ума”. Недаром у него, прославленного певца “светлых сторон жизни, такое большое количество небывалых до него в литературе типов душевнобольных – Мельник в “Русалке”, Евгений в “Медном всаднике”, Германн в “Пиковой даме”, Мария в “Полтаве”, старик Дубровский и отчасти Годунов с его галлюцинациями, роднящими его с дальним родственником поэта Алексеем Михайловичем» [6, с. 30].

Финал статьи Золотарева, выпадая из общего стиля повествования, представляет собой факт стремительной идеологизации советского литературоведения, происходившей уже в середине 1920-х гг. Так, не очень к месту отметив как заслугу Пушкина то, что он «идейно и кровно был близок» к декабристам, «этому отборному авангарду русских вольнодумцев и революционеров» [6, с. 32], Золотарев переходит к социологическим рассуждениям. Однако эти рассуждения нельзя рассматривать как трусливую дань идеологии советского режима, ибо пафос их заключается не столько в демонстрации благонамеренности, сколько в попытке защитить в атмосфере нигилистического отношения к прошлому генеалогию и антропологию как науки. Именно этой, последней, причиной вызваны следующие строки ученого: «Вооружая социологию биологией, мы закладываем основы более бережного отношения к человеку. Наши попытки привлечь теории наследственности и подбора к объяснению и пониманию природы творчества еще нуждаются в упорной дальнейшей проработке... Чем более работаешь в области изучения генеалогии наших писателей, тем более убеждаешься, что она образует какой-то сгусток даровитости... Стоящая выше нас природа в рамках старой социальности накопила этот золотой запас таланта; задача новой социальности – его унаследовать и им воспользоваться» [6, с. 32].

Рассмотренные выше гипотезы С.А. Золотарева, способные, по нашему мнению, дать пушкиноведению новый исследовательский импульс, к сожалению, не получили не только какого-либо развития, но даже и признания, ибо разбираемая здесь статья оказалась незаслуженно забытой и не упоминается в библиографии ученого, опубликованной в биографической статье о нем в Википедии [7]. Заметим, впрочем, что фрейдистский пассаж статьи этого исследователя мог оказать некоторое воздействие на интересную работу М.Л. Гофмана «Проблема сумасшествия в творчестве Пушкина», опубликованную в 1957 г. в США и трижды переизданную в России в 1996, 2000 и 2007 годах [5].

Примечания

1. Анучин Д.Н. Пушкин. Антропологический эскиз. Оттиск из «Русских ведомостей» за 1899 г. М., 1899. 44 с.
2. Арватов Б. О формально-социологическом методе // Печать и революция. 1927. Кн. 3. С. 54–64.

3. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. Баку, 1992. С. 11.
4. Веселовский С.Б. Род и предки Пушкина в истории. М., 1990. С. 11.
5. Гофман М.Л. Проблема сумасшествия в творчестве Пушкина // Новый журнал. Нью-Йорк. 1957. Кн. 51. С. 61–86. Статья также опубликована в книгах: Лики культуры: Альманах. Звучащие смыслы. (М., 1996); Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937): В 2 т. М., 2000; Гофман М.Л. Драма Пушкина. Из наследия пушкиниста-эмигранта. М, 2007.
6. Золотарев С. А.С. Пушкин (Жизнь и творчество в биосоциологическом освещении) [Текст] / С. Золотарев // Родной язык в школе. 1926. Кн. 11–12. С. 18–33.
7. Золотарев, Сергей Алексеевич... [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотарев,_Сергей_Алексеевич
8. Спивак М.Л. Посмертная диагностика гениальности: Андрей Белый. Эдуард Багрицкий, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М.: Аграф, 2001.
9. Сухих С.И. Социологическая поэтика в русском литературоведении 1-ой половины XX века. Из лекций по истории русского литературоведения. Ниж. Новгород, 2006. С. 79–81.

*Чжан Хун (г. Киров)
Вятский государственный университет*

© Чжан Хун, 2016

«Я-рассказчик» в творчестве писателей третьего ряда

В статье анализируются жанрово-стилевые особенности и поэтика произведений «писателей из народа» первой трети XIX в., выявляется их типология в контексте «третьей культуры». Особое внимание уделяется рассмотрению категории «я-рассказчик» в произведениях А.А. Орлова.

Ключевые слова: русская литература, писатели из народа, третья культура, рассказчик

Среди нарративных, по классическому определению, жанров сильным тяготением к описательности отличается очерк. «Повествовательное произведение – это произведение, в котором не только повествуется (нарратором) история, но также изображается (автором) повествовательный акт. Таким образом, получается характерная для повествовательного искусства двойная структура коммуникативной системы, состоящей из авторской и нарраторской коммуникаций, причем нарраторская коммуникация входит в авторскую как составная часть изображаемого мира» [1].

Манера ведения рассказа от Я-рассказчика уходит корнями в самые ранние произведения писателей XVIII в. и сохраняется, эволюционируя, на протяжении всего творчества писателей третьего ряда. Поэтому изучение становления и развития образа героя-рассказчика у писателей из народа в разные периоды творчества является актуальным.